

Первый российский производитель закончил дни на Гр

Имя изобретателя телефона Александра Белла живет в памяти потомков и в названии крупнейшей американской корпорации. Российского телефонного промышленника Николая Гейслера сегодня не помнит почти никто. Основатель первого отечественного телефонного завода повторяет трагическую историю тульского мастера Левши.

7 марта 1876 года в США скромный 29-летний шотландский эмигрант, преподаватель школы для глухонемых детей Александр Грехем Белл получил патент на первый практически пригодный электромагнитный телефон.

А за два года до этого, в начале 1874 года, телеграфный механик Николай Гейслер в собственной квартире дома № 1 по Почтамтской улице открыл ремонтную мастерскую. Два станка и трое тисков – все, чем владел тогда беспокойный мастер. Но этого ему было вполне достаточно, чтобы приводить в порядок ключи Морзе и электрические звонки. Гейслера мало интересовали окружающие события. Не поднимая головы, Гейслер трудился и не знал, что в мире произошло нечто, уже определившее его судьбу.

Александр Белл не собирался изобретать телефон. Он хотел разработать телеграфный аппарат, передающий сразу несколько сообщений. Но по ходу опытов ему

пришла мысль о передаче речи по электрическим проводам. Получив патент, фирма Bell Telephone за какие-то 2–3 года стала преуспевающим производителем и поставщиком телефонной техники по всему миру.

Телефон «Белла» стремительно распространялся по континентам. Уже через четыре года количество телефонных станций в Европе исчислялось тысячами. К 1881 году фирма «Белла» с европейской конторой в Антверпене эксплуатировала телефонные сети в 29 крупнейших городах Европы. В Россию телефония пришла в 1882 году, когда Международная компания телефонов «Белла» выкупила концессию сроком на 20 лет на построение пяти телефонных сетей общего пользования в Петербурге, Москве, Одессе, Варшаве и Риге.

В начале 1880-х телефоны «Белла» царствовали безраздельно по всему миру. Но в Европе уже появлялись местные производители, которые создавали новые конструкции телефонов и захватывали локальные рынки. С приходом телефонии в Россию здесь открыли заводы европейские компании: германская «Сименс и Гальске» и молодая шведская «Л.М. Эрикссон и Ко».

Контора Гейслера тоже начала заниматься телефонной техникой. В 1877 году в ней появился опытный телеграфный мастер по фамилии Йозеф. Самозабвенно работая вместе с Гейслером, он за год сконструировал телефонный коммутатор для самостоятельного вызова по одному проводу добавочного абонента. Патент на изобретение купила Петербургская телефонная станция, и небольшому предприятию Гейслера столичные телефонисты начали доверять первые крупные заказы. Наблюдая за бурным развитием телефонии, Николай Гейслер решил значительно расширить производство и начал переговоры с представителями «Белла» в Петербурге.

Американцы оценили упорство русского мастера и поверили ему. В 1887 году фирма «Вестерн Электрик», входящая в корпорацию «Белла», внесла треть капитала в основание общества «Электромеханический и телефонный завод Н. К. Гейслер и Ко». Уставный капитал фирмы составил 500 тысяч рублей. Завод должен был стать форпостом «Белла» на российском рынке телефонной техники. Гейслеру доверяли. Российский промышленник управлял заводом самостоятельно. Только раз в год в Россию для наблюдения за делами на заводе появлялся представитель «Вестерн Электрик».

Гейслер оправдывал ожидания партнеров. Производство телефонной и телеграф-

ной техники на обновленном оборудовании быстро росло. Требовались новые вложения, но Гейслер не рассчитывал на заокеанские деньги. Каждый год его предприятие патен-

Фото из архива Центрального музея связи

В 1903 году центральные улицы Петербурга были пере-

товало новые изобретения. Часть из них не была связана с телефонией. Это была новая техника для армии: кренометры, дальнометры для военных судов, артиллерийские приборы. Армейские заказы приносили предприятию огромные прибыли. Однако Николай Гейслер считал это временным явлением. Он связывал будущее завода исключительно с телефонией.

В последние годы XIX века «Гейслер и Ко» успешно конкурировал с мировыми производителями телефонов, работавшими на российском рынке. Продукция «Гейслера» была дешевле телефонов «Сименса» и «Эрикссона», но не за счет более низкого качества или меньшей себестоимости. Просто

Телефоны «Гейслер и Ко» не уступали аппаратам «Эрикссона»

Диритель телефонов на главной улице

телефония стала для Гейслера смыслом жизни. Он намеренно снижал рентабельность телефонного производства и вкладывал в него большую часть прибыли от военных контрактов.

которой все оборудование, установленное «Беллом», отходило государству. Наступал 1902 год. Телефония в Петербурге перешла в ведение Городского управления.

К тому времени городское телефонное хозяйство сильно устарело, и Управа объявила торги на постройку новой центральной городской телефонной станции. Для Гейслера это был шанс. Все петербургские телефонно-телеграфные заводы решили сразиться за контракт. Мысли Гейслера были только о нем. Казалось, что вот-вот начнет осуществляться его мечта.

Гейслер ужасно нервничал. По Петербургу ходили слухи, что заказ отдадут «Эрикссону», если русский промышленник не внесет в Городскую управу 100 тысяч рублей конкурсного залога. Получить их в короткое время от партнеров из Америки было нереально, а у самого Гейслера таких свободных средств просто не было. Душевное напряжение бывшего мастера дошло до предела. Буквально перед объявлением итогов конкурса Николай Гейслер скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Городской заказ получил его завод. В 1903 году на Большой Морской, 22, фирма «Гейслер и Ко» начала строить новую двухгрупповую телефонную станцию на 70 тысяч абонентов. Ее открытие состоялось 1 января 1905 года. Это был посмертный триумф русского телефонного мастера. И он мог бы стать началом триумфа марки Гейслера по всей России. Но история распорядилась иначе.

Дела у наследников и компаньонов Гейслера шли хорошо. В 1909 году в состав завода «Гейслер и Ко» вошла Шарлоттенбургская фабрика «Э. Цвитуш». До основания своего дела коммерсант Цвитуш был одним из представителей компании «Вестерн Электрик» на заводе Гейслера. После объединения капитал предприятия составил 750 тысяч рублей. На Петербургской стороне, по адресу Грязная улица, 12, началось строительство нового здания, завершено в начале 1911 года. Петербургский архитектор Кригер спроектировал промышленный корпус весьма добротной и оригинально. Ультрасовременный по тем временам железобетонный каркас здания был скрыт модной в то время кирпичной облицовкой. Стены с крупными оконными проемами усилены бетонными перемычками «под камень». Из-за небольшой ширины улицы для лучшего освещения цехов архитектор расположил два верхних этажа с отступом от основной плоскости фасада. Именно о таком светлом и просторном

Компаны: повсюду шла прокладка телефонного кабеля

В начале 1990-х изобретатель Белл уже давно не думал о телефонной технике, поручив ее профессиональным коммерсантам. Американец самозабвенно работал над устройством новых летательных аппаратов. А для русского промышленника Гейслера в те годы массовый выпуск телефонов и победа над европейскими конкурентами стали навязчивой идеей. Гейслер мечтал, что уже в 1910-м телефонные аппараты будут стоять в каждом доме. Его телефонные аппараты.

Тем временем монополия телефонов «Белла» на российском рынке подходила к концу. Новые государственные контракты один за другим получала фирма Эрикссона. Заканчивался срок концессии, по условиям

Фото: Роман Останин

Директор Центрального музея связи Людмила Бакаютова уверена, что хорошая бизнес-идея начинается с мечты

Музей связи возводит воздушный замок

Первый телефон Белла, первый радио-приемник Попова, телефонная техника начала века производства Siemens и Ericsson, семь миллионов раритетных знаков почтовой оплаты. Аварийное здание дворца князя Безбородко на Почтамтской. Центральный музей связи закрыт уже 25 лет. Два года – ни копейки государственного финансирования. Долги по коммунальным платежам. Сотрудникам платят из благотворительного фонда. Печальная действительность.

Зал занимательной техники, выставки Mail Art, интерактивная библиотека, модное место интеллектуального досуга технической и творческой интеллигенции молодого поколения, кафе, магазинчики, конференц-зал в здании постройки Джакомо Кваренги. Это – мечта.

Недавно, тем не менее, она превратилась в концепцию развития, которую одобрил министр связи Леонид Рейман. Новый директор музея Людмила Бакаютова умеет строить не только воздушные замки. Последние она шесть лет работала начальником по маркетингу финской строительной фирмы Skanska Oy, создала и уже десять лет возглавляет петербургское отделение российско-американского некоммерческого Фонда искусства Фаберже.

«Если нет мечты – нечего воплощать. И я знаю, что нужно делать для того, чтобы мечта стала реальностью», – говорит новый директор.

Главные спонсоры музея – петербургские предприятия связи – с приходом нового директора начали помогать активнее. Компания «ПетерСтар», например, недавно подарила современную компьютерную и офисную технику. Активно помогает «Северо-Западный GSM». Недавно Министерство связи добилось от Минфина за возвращение строки финансирования музея в государственный бюджет.

Музей связи возводит воздушный замок

Продолжение. Начало на стр. 43

Директор привлекла к сотрудничеству британскую музейно-консультационную фирму Cardington, которая собирается делать промоушн новому начинанию на Западе. Пока бесплатно.

Людмила Бакаютова считает, что Национальный музей истории связи Российской Федерации (так его предполагается назвать) можно и нужно сделать суперсовременным техническим паноптикумом в исторических интерьерах. Чтобы пришла молодежь. Желанная дата открытия обновленного музея – май 2003 года – 300-летний юбилей города. Рассматривается вариант временного переезда в здание телеграфного ведомства на Почтамтскую, 15.

Людмила Бакаютова надеется, что источниками финансирования реконструкции станет государственный и городской бюджет в рамках специальных программ, а зарабатывать на жизнь и развитие музей связи сможет сам. Министр связи РФ Леонид Рейман думает так же.

Глядя из окон полуразрушенного Музея связи на реконструируемый ударными темпами Государственный музей истории религии, хочется верить в чудо.

Музей связи на Почтамтской, 7, переживает трудные времена

Петроградская сторона, улица Яблочкова (бывшая Грязная), 12. Телефонный завод «Н. К. Гейслер и Ко» лишь на 15 лет пережил своего основателя.

Продолжение. Начало на стр. 43

заводе мечтал Гейслер, большую часть жизни работавший в полутемных мастерских.

В новом здании фирма Гейслера продолжила производство телефонных аппаратов, телеграфных аппаратов Муррея, дальномеров «Барр и Струд». Однако приоритет теперь был отдан выпуску техники для армии. Из почти 200 видов выпускаемой продукции более половины приходилось на артиллерийские приборы, армейскую телеграфию и судовую электроавтоматику.

Работы по развитию петербургской телефонной сети продолжались все дореволюционные годы. В 1902 году число столичных абонентов составляло 4,8 тысяч, к 1910 году эта цифра достигла уже 25,6 тысяч. Но практически монополистом на российском рынке телефонов к тому времени по существу стал завод Русского акционерного общества «Л.М. Эрикссон». Он получил заказы на постройку и развитие сетей в нескольких городах, заказы на коммутаторы для российских междугородных станций.

В 1912 году наследники Гейслера приняли решение окончательно переориентировать завод на выпуск армейского оборудования. Решение оказалось судьбоносным. Через два года началась Первая мировая война, и развитие телефонных сетей в стране замедлилось.

Заканчивалась дни и первого российского телефонного завода. Под именем своего основателя он просуществовал недолго: до национализации в 1918 году. После ленинского переворота предприятию было присвоено имя революционера Кулакова. Уже в 20-х годах бывший завод Гейслера превратился в секретное военное учреждение.

Сегодня, как и большинство российских предприятий ВПК, завод Кулакова переживает трудные времена. Предприятие берется за производство изделий самого разнообразного назначения, выпуская, например, офисные машины для уничтожения бумаг. Заводской музей, где хранились материалы о его телефонной истории, закрыт. Хранители давно уволились. Фотографии Николая Гейслера нет даже в Центральном государственном музее связи. Памяти Николая Гейслера – промышленника, проторившего дорогу отечественной телефонии – остается надеяться только на новый российский бизнес, который, хочется верить, вскоре не захочет слыть Иваном, не помнящим родства.